

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В ДЕРЕВНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА *

В. А. Цыбульский

В литературе о налоговой политике периода нэпа с большей или меньшей полнотой освещены подготовка решений X съезда партии о замене продразверстки натуральным налогом, роль В. И. Ленина в разработке новой экономической политики, отношение к данному событию со стороны крестьянства, особенности продналогового законодательства в отдельных республиках¹. Остаются неразработанными такие важные вопросы, как политические и экономические трудности проведения первой продналоговой кампании (1921/22 г.); дальнейшая эволюция натурального налога в единый сельскохозяйственный налог.

Некоторые исследователи изучают налоговые отношения как самодовлеющие, в отрыве от экономического развития страны². Между тем налоговая политика социалистического государства всегда была неразрывно связана с проблемами смычки крупной промышленности и крестьянской экономики, с динамикой цен на индустриальные и сельскохозяйственные товары, с борьбой за создание устойчивой советской валюты, со стимулированием интенсификации земледелия и животноводства. Налоговая политика в отношении крестьянства призвана была содействовать всемерному подъему производительных сил сельского хозяйства на основе роста его товарности. Используя налоговые методы перераспределения национального дохода в сельском хозяйстве, Советское государство ограничивало и вытесняло капиталистические элементы. В первые годы нэпа (1921—1923) налоги на крестьянство являлись средством привлечения натуральных и денежных ресурсов многомиллионной массы крестьянства для финансирования социалистического

* Статьей В. А. Цыбульского редакция продолжает публикацию серии работ по проблемам новой экономической политики (см. опубликованные в журнале «Вопросы истории» статьи: Э. Б. Генкина. В. И. Ленин и переход к новой экономической политике (1964, № 5); Ю. А. Поляков. Стимул, мера, темп (Некоторые проблемы новой экономической политики) (1964, № 7); В. П. Дмитренко. Борьба Советского государства за овладение деревенским рынком в первые годы нэпа (1964, № 9); Л. Ф. Морозов. К вопросу о периодизации истории борьбы с нэпманской буржуазией (1964, № 12); М. Н. Черноморский. Советская промышленность в первые годы нэпа (1965, № 2).

¹ См. М. Я. Залесский. Налоговая политика Советского государства в деревне. М. 1940; А. С. Яковлев. Ленинский декрет о продналоге и крестьянство. «Исторический журнал», 1945, № 5; Э. Б. Генкина. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). М. 1954; Н. Г. Соколов. Уточнение отличий продналога от продразверстки. «Ученые записки» Рязанского педагогического института. Т. XX. 1959; его же. Борьба партии за восстановление сельского хозяйства на основе нэпа (1922—1923 гг.). «Ученые записки» Рязанского педагогического института. Т. XXVIII. 1961; М. В. Игошина. Продовольственный налог — составная часть новой экономической политики. Харьков, 1961, и др.

² См., например, Н. Г. Соколов. Коммунистическая партия в борьбе за восстановление сельского хозяйства на основе нэпа (1921—1922 гг.). «Ученые записки» Рязанского педагогического института. Т. XX. 1959.

строительства, которое учитывало не только восстановление и развитие промышленности, но и рост сельского хозяйства. Таким образом, налоговые отношения затрагивали значительный круг социальных и экономических проблем, их изучение способствует более глубокому пониманию нэпа. Ниже рассматриваются важнейшие преобразования в налоговом обложении крестьянства в первые годы нэпа, их роль в развитии сельского хозяйства и в укреплении экономического союза города и деревни. Особое внимание уделяется истории перехода от натурального к единому сельскохозяйственному налогу как наименее разработанной теме.

Новые формы экономической политики, фундамент всего советского здания, говорил В. И. Ленин, «строить приходится двояко: посредством налога, во-первых, и товарообмена, во-вторых»⁴. 15 марта 1921 г. X съезд РКП(б) принял по предложению В. И. Ленина решение о замене продразверстки натуральным налогом. 16 марта на заседании коллегии Народного комиссариата по продовольствию, на который возлагалось составление проекта декрета о продналоге и проведение его в жизнь, А. И. Свидерскому было поручено к 23 часам того же дня на основе всех высказываний представить «проект декрета о натурналоге» для внесения его в повестку дня заседания сессии ВЦИК 17 марта; комиссия в составе А. И. Смирнова, Л. М. Хинчука и А. И. Свидерского получила задание выработать в срочном порядке проект основных положений о натуральном налоге, о роли кооперации в продовольственном деле и о местном обороте⁵. На основании проекта декрета, представленного Наркомпродом, ВЦИК принял 21 марта 1921 г. постановление о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. 26 марта на заседании комиссии ЦК РКП(б) по продналогу были выработаны основные принципы налога на хлебозерновые продукты и зернофураж⁶.

Вопрос о наиболее приемлемых формах натурального налога обсуждался местными органами совместно с представителями крестьянства⁷. С учетом предложений и пожеланий с мест была разработана система натурального налога на главные и второстепенные сельскохозяйственные продукты. Устанавливались разные сезоны и сроки взимания, в зависимости от времени реализации того или иного продукта, и начиная с августа месяца крестьянин почти в течение всего года платил причитающийся с него налог. Но основным был налог на хлебные продукты, картофель и масличные семена. «Размер налога определяет для каждого хозяйства в отдельности,— говорилось в декрете СНК

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 355.

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 130, оп. 5, ед. хр. 644, л. 9.

⁶ Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), ф. 1943, оп. 1, ед. хр. 64, л. 21.

⁷ В начале апреля в Наркомзем стали поступать предложения от губернских посевных комитетов. Вятский губпосевком предложил взимать натуральный налог с плановой площади посева по каждому хозяйству, избегая обложения добавочной площади; Новгородский — высказался за обложение не плановой, а фактической площади посева; Гомельский — рекомендовал за единицу обложения принять десятину использованной земли и установить прогрессию, которая стимулировала бы расширение посевной площади; Рыбинский — выдвинул предложение определять размер продналога по заданию губпосевкома, в основу обложения класть всю площадь пахотной земли, а ставку налога определять в пудах на каждую десятину пашни, исходя из того количества хлеба, которое будет собрано; Тамбовский — полагал, что единицей обложения для ржи, пшеницы, овса и картофеля должна быть посевная площадь текущего года ввиду крайне тяжелого положения населения. Обложение должно быть подушным, твердым и прогрессивным, с поправкой на рабочую силу, живой инвентарь. Годовой необлагаемый минимум следует исчислять в 12 пуд. хлеба и 12 пуд. картофеля на душу, излишки сверх этого — облагать в размере от 5 до 30% («Правда», 13 апреля 1921 г.; «Экономическая жизнь», 27 апреля 1921 г.).

от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена», — и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и по урожаю в данной местности». С этой целью было установлено 11 разрядов урожайности — от 25 до 75 пуд. и более на десятину — и 7 групп хозяйств — по количеству пашни на одного едока. Ставки налога на 1 десятину устанавливались в переводе всех зерновых, картофеля и масличных семян на рожь или пшеницу, которые и назывались хлебными единицами (ржаная единица, то есть 1 пуд ржи, пшеничная единица — 1 пуд пшеницы). Продналог открывал широкие возможности для регулирования аграрных отношений в деревне. Так, ставка к налогу в РСФСР для хозяйства с обеспеченностью землей в 0,5 дес. на едока, при урожайности до 25 пуд. с десятины, составляла 10 фунт., а при урожайности свыше 70 пуд. — 150 фунтов. Повышались ставки с увеличением количества пашни на едока: при одной и той же урожайности, например, до 25 пуд. для хозяйства в 0,5 дес. на едока ставка была 10 фунт., а с 3,1—4,0 дес. — 200 фунт.⁸ Законодательство предусматривало освобождение от продналога беднейших крестьянских хозяйств, имевших под пашней не более 1 десятины. Старательным хозяевам, расширившим площадь посева и увеличивавшим производство хлеба, предоставлялись льготы. В целях поощрения роста посевной площади объектом обложения признавалась вся пашня, а не только площадь посева; к подъему производительности должно было побуждать и то обстоятельство, что налоговая прогрессия не шла дальше 70 пуд. урожайности с десятины.

Сбор продналога в условиях 1921 г. являлся одной из центральных политических и экономических задач страны. Из хлебного налога, исчисленного по РСФСР на 1921/22 г. в 240 млн. пуд., пришлось исключить около 90 млн. пуд., приходившихся на губернии, полностью голодавшие, а также на недосев в районах залежной системы земледелия. В результате задание, установленное в размере 132,5 млн. пуд., было выполнено к 1 июня 1922 г. на 96%⁹.

«Продналог в общем и целом, — говорил В. И. Ленин на IX съезде Советов, — дал крестьянам во всей массе, беря все крестьянство, облегчение... Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве»¹⁰.

Показательны в этом отношении данные о количестве хлеба, которое сдавали крестьянские хозяйства Тульской губернии в 1920 г. при разверстке и в 1921 г. при продовольственном налоге. Для сравнительного анализа распределим все крестьянские хозяйства в зависимости от их экономического положения на характерные для Тульской губернии три группы. Первую группу — экономически слабых хозяйств — составили те, у кого на 5 едоков приходилось 5 дес. земли (3 дес. посева, 1,5 дес. — под паром, луг — площадью в 0,5 дес.), 1 лошадь и 1 корова. В среднюю по мощности группу вошли хозяйства, где на 5 едоков приходилось 8 дес. удобной земли (5 дес. — под посевом, 2,5 дес. — под паром и 0,5 дес. — луг), 1 лошадь и 1 корова. В третью группу — экономически сильных — были включены хозяйства, где на 5 едоков было свыше 15 дес. удобной земли (10 дес. — под посевом, 5 дес. — под паром и несколько десятин — под лугом), 2 лошади, 2 коровы и мелкий скот. Для всех групп средняя урожайность составляла на десятину 42 пуда. Чис-

⁸ «Известия ВЦИК», 22 апреля 1921 года. Согласно инструкции Наркомпрода, для перевода хлебных единиц устанавливались следующие эквиваленты: 1 пуд ржи или пшеницы приравнивался к 1 пуд. 10 фунт. овса, ячменя или проса, 4 пуд. картофеля, 0,5 пуд. масличных семян, 35 фунт. гречи, 1,5 пуд. кукурузы («Экономическая жизнь», 21 июля 1921 г.).

⁹ «Продовольственная газета», 1 июня 1922 года.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 314.

тый сбор зерновых, масличных культур и картофеля в пересчете на ржаные единицы в хозяйстве первой группы достигал 96 пуд.; налог в ржаных единицах—6 пуд. 30 фунт.; излишки—89 пуд. 10 фунтов. При разверстке, исчислявшейся в 1920 г. из расчета, что в хозяйстве должно остаться 12 пуд. на едока, 18 пуд. на лошадь, 9 пуд. на корову и 10% на прочие хозяйственные потребности, хозяйство этой группы вносило 3 пуд., удерживая за собой 93 пуда. По второй группе из чистого сбора в 160 пуд. в ржаных единицах налог взимался в количестве 21 пуд. и излишек равнялся 139 пуд.; при разверстке же государство изъяло бы 67 пуд. и оставило 93 пуда. По третьей группе из чистого сбора в ржаных единицах в 320 пуд. налог составлял 78 пуд., в хозяйстве оставалось 242 пуд.; при разверстке государством отчуждалось 194 пуд., в хозяйстве оставалось 126 пуд., или 60 пуд. на едоков, 66 пуд. на лошадей, коров и прочие нужды¹¹. Такая же картина наблюдалась и в других губерниях страны.

Опыт первой продналоговой кампании выявил ряд слабых сторон в системе продналогового законодательства и трудностей при его проведении в жизнь. Наибольшие выгоды от новой системы получили экономически сильные и средние крестьянские хозяйства, для бедняков же и полупролетарских элементов деревни налог оказался тяжелее разверстки, при которой они тягот не несли¹². Необходимо было, не допуская переобложения среднего крестьянства, помочь бедным и мало-мощным слоям в восстановлении их хозяйств, всемерно стимулируя развитие производительных сил в деревне, а также упразднить множественность обложения и другие недостатки продналога. Экономические связи между городом и деревней настоятельно требовали рационализации налоговой системы.

В этих целях и был предпринят пересмотр налогового законодательства. 26 октября 1921 г. Наркомпрод разослал всем губпродкомам анкету, включавшую 97 вопросов, ответы на которые должны были с исчерпывающей полнотой показать теневые стороны, обнаружившиеся при проведении в жизнь продналога, и содержать предложения по его улучшению. Одновременно при Управлении заготовок Наркомпрода приступила к работе комиссия по изучению налогового законодательства. Аналогичные комиссии были образованы в некоторых губпродкомах¹³.

По таким принципиальным вопросам, как множественность налогов и неоднократное обложение одного и того же объекта, анкеты содержали отрицательные ответы. Считалось недопустимым получение

¹¹ «Продовольственная газета», 22 марта 1922 года.

¹² Иногда продналог становился просто непосильным для отдельных крестьянских хозяйств, несмотря на то, что раздроблением основных ставок на 7 групп законодательство имело в виду охрану экономических интересов прежде всего беднейшего крестьянства. Дело в том, что далеко не всегда количество пашни, приходящееся на одного едока, является показателем мощности хозяйства, ибо нет прямой пропорции между числом едоков и работников, которые действительно определяют хозяйственную мощь. Этот недостаток был связан с так называемым «продовольственным», а не экономическим подходом к обложению крестьянских хозяйств. В печати и в продорганах поднимался вопрос о внесении существенных коррективов в распределение плательщиков на группы по количеству пашни на едока. Так, «Правда» 19 ноября 1921 г. писала: «Хозяйство, имеющее 1 десятину на 2 едока, т. е. 0,5 десятины на одного, не облагается. Хозяйство же, имеющее 2 десятины на 6 едоков, т. е. $\frac{1}{3}$ на душу,— облагается... При 1,5 десятины пашни на душу при 1 разряде урожайности взимается 30 фунтов с десятины и при 1,6 десятины на душу при той же урожайности обложение поднимается до 2 пудов с десятины. Таким образом, одна семья, имеющая 5 душ по 1,5 десятины на душу, платит 5 пуд. 25 фунт., другая же, имеющая 5 душ по 1,6 дес. на душу, платит 16 пудов. Лишние $\frac{1}{2}$ десятины облагаются в 10 пуд. 15 фунтов». К 1-му разряду относился урожай не более 25 пуд. с десятины. В случае неурожая такое хозяйство при 1,6 дес. на душу после уплаты продналога и обеспечения себя семенами на будущий год оказалось бы в чрезвычайно тяжелом положении.

¹³ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 6, ед. хр. 137, лл. 16, 63, 135.

налога дважды с одного объекта, каковым являлся, например, скот: в виде масла и мяса или шерсти и мяса. Указывалось, что множественность налогов наносит ущерб экономической политике рабочего класса, распыляет внимание крестьянства, вынуждая, например, крестьянина, аккуратно выполнявшего налог по одному из основных продуктов, отправляться на поиски нескольких фунтов меда или десятков яиц. Отмечались и технические трудности сбора многочисленных налогов.

Губернские продовольственные комитеты предлагали взять за объект обложения площадь действительно засеянной земли, подчеркивая, что использование для этой цели размера всей пашни не оправдало себя, поскольку увеличение площади посева зависело не только от доброй воли крестьянина. В ряде анкет содержались предложения принимать в расчет при обложении только пашню, безотносительно к количеству едоков. Но при этом рекомендовалось учитывать и другие факторы (живой и мертвый инвентарь). Некоторые товарищи считали, что следует принимать в качестве объекта всю землю, пригодную для посева хлебных культур. Таким образом, иного объекта обложения, кроме земли, местные продорганы не выдвигали. Если определение «пашни» не вызывало недоумений, то затруднения возникали там, где не учитывалось качество земли, так как в некоторых уездах 0,5 дес. не могли дать и половины хлеба, потребного для питания одного едока.

Комиссия по пересмотру законодательства при Наркомпроде Украины признала «единственно возможной такую налоговую систему, которая, опираясь на своевременное получение статистических данных, давала бы справедливое, равномерное и соответствующее ресурсам хозяйства обложение». Комиссия настаивала на приближении к единому продналогу или на ограничении налога четырьмя-пятью видами (хлеб, масло, семенной картофель, мясо, фураж) с установлением гибких, подвижных эквивалентов для замены. Наркомпрод Украины, подчеркивая несвоевременность исчисления налога в денежной форме, допускал, однако, комбинирование натуральной формы обложения с денежной¹⁴.

Вопрос о едином натуральном налоге получил законодательное оформление в постановлении ВЦИК от 2 марта 1922 г., принявшем все принципиальные положения, выработанные продорганами. В приветствии 4-му Всероссийскому совещанию продработников нарком продовольствия А. Д. Цюрупа писал, что «продработники проявили чуткость и опыт в понимании экономических и социальных влияний продналога и своевременно указали на необходимость замены множества налогов единым натуральным налогом»¹⁵.

Согласно единому натуральному налогу, основным объектом обложения становилась пахотная земля; скот в качестве самостоятельного объекта в обложение не включался, хотя его наличие влияло на изменение ставки налога, что учитывалось декретом. Разряды урожайности определялись центром только для губернии. Была установлена единая весовая мера начисления налога (ржаная единица), в силу чего натуральный налог, который должен был взиматься шестью различными сельскохозяйственными продуктами (зерновые, картофель, мясо, масло, различные семена, сено), тем не менее получил наименование единого натурального, или единого продовольственного, налога. Таким образом, единый натуральный налог в отличие от продналога 1921 г. собирался не всеми, а лишь основными продуктами, производившимися в хозяйстве. Органы Наркомпрода в губерниях, исходя из интересов государства и крестьян, устанавливали, какими из этих шести основных видов продуктов должен быть сдан налог в каждом уезде. Практически крестьяне

¹⁴ Там же, лл. 38—41, 53

¹⁵ «Экономическая жизнь», 18 марта 1922 года.

часть налога вносили продуктами по своему усмотрению. Декретом предусматривались льготы, облегчавшие крестьянам ведение хозяйства: плательщик, выполнивший свои обязательства своевременно, уплачивал на 10% меньше; размеры площади для обложения были взяты те же, что и в 1921 году.

Установленная в 1922 г. система единого натурального налога и принципы, положенные в ее основу, оправдали себя. Это подтверждается итогами второй налоговой кампании (1922/23 г.). Если к декабрю 1921 г. сбор продналога настолько затягивался, что из Москвы за подписью В. И. Ленина, заместителя народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханова и члена коллегии Наркомпрода А. П. Смирнова пришлось разослать телеграмму, в которой говорилось, что выполнение налога — вопрос жизни республики и что «провал налога приведет к грозным последствиям»¹⁶, то совершенно иная картина наблюдалась в декабре 1922 г.: к этому времени (то есть раньше на 3 месяца, чем в 1921 г.) сбор единого натурналога был в основном закончен; по состоянию на 5 декабря 1922 г. поступление налога в ржаных единицах составило по Европейской части России 257 643 тыс. пудов¹⁷.

Сбор единого натурального налога проходил в обстановке постепенного развития товарно-денежных отношений в стране. Уже к осени 1921 г. стало ясно, что товарообмен вылился в обычную куплю-продажу¹⁸. В 1922 г. наметились признаки роста товарности крестьянских хозяйств, несмотря на последствия голода. По данным бюджетного обследования крестьянских хозяйств, соотношение между ценностью проданного и сданного по продналогу хлеба составило (в тыс. руб.)¹⁹:

Годы	Добровольная продажа	Продналог	Итого
1920—1921	116 084	311 072	427 156
1921—1922	137 784	198 335	336 069

Бюджетное экспедиционное обследование советской деревни, организованное совместно Центральным статистическим управлением и Наркомземом летом 1922 г., установило, что крестьянство в среднем на душу приобрело в 1921/22 г. промышленных изделий на 4 руб. 94 коп. против 3 руб. 41 коп. в 1920/21 г., то есть на 40% больше²⁰.

О развитии товарно-денежных тенденций в крестьянском хозяйстве свидетельствуют следующие данные²¹. В 1922 г. на каждые 100 руб. отчужденных продуктов приходилось на продналог и добровольную продажу (см. табл. на стр. 53).

Таким образом, продналог занимал преобладающее место в четырех группах продуктов (продовольственные хлеба, кормовые, сено, кожа, овчина, шерсть, мясо и сало); остальные входили в число относительно высокотоварных.

Расширению сферы товарного обращения в 1922—1923 гг. способствовало возрождение и развитие хлебного рынка. Господствующее положение здесь заняло акционерное общество по торговле хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами «Хлебопродукт», учрежденное Наркомпродом, ВСНХ, Наркомвнешторгом и Главным управлением по топливу. В качестве других заготовителей выступали Госбанк,

¹⁶ «Продовольственная газета», 1 декабря 1921 года.

¹⁷ «Продовольствие и революция», 1923, № 2, стр. 107.

¹⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 207.

¹⁹ «На новых путях. Итоги новой экономической политики 1921—1922 гг.». Вып. III. М. 1923, стр. 195.

²⁰ Р. Левин. Налоги и крестьянство. М. 1923, стр. 6.

²¹ «На новых путях». Вып. III, стр. 197.

	Продналог	Продажа и обмен
	в рублях	
Продовольственные хлеба . . .	81	19
Кормовые	81	19
Картофель	44	56
Масличные семена	43	57
Сено, солома, жмых	88	12
Овощи и фрукты	2	98
Молочные продукты	21	79
Прочие продукты животноводства (шерсть, овчина, кожа, мясо и сало)	71	29
Крупный рогатый скот	29	71
Овцы и свиньи	74	26
Птица и яйца	41	59
Мед и воск	11	89

кооперация и частноторговый аппарат. Государственными и кооперативными организациями в 1922/23 г. было закуплено 62,1 млн. пуд. хлеба, собрано же по налогу 365,7 млн. пудов²². Наиболее характерным явлением второй налоговой кампании явилось значительное расширение сферы денежных отношений. «В прошлом году, — писалось в корреспонденции из Ставрополя, — за деньги у нашего крестьянина ничего нельзя было достать, кувшина молока не давал. Теперь он охотно продает хлеб за деньги. Это лишний раз подчеркивает, что к советским деньгам стали относиться с доверием»²³. Сведениями о повсеместном вытеснении натуральных форм обмена чисто денежными были заполнены страницы периодической печати.

Благодаря углублению и развитию новой экономической политики были сняты с государственного натурального снабжения значительные группы потребителей, число которых с 1 586 678 на 1 ноября 1921 г. уменьшилось до 594 893 на 1 сентября 1922 года²⁴. Это, в свою очередь, вызвало рост закупок населением предметов питания и одежды на рынке; возросли денежные заработки у населения, занятого кустарными и иными промыслами; трудовая гужевая повинность была заменена трудгужналогом, который взыскивался деньгами.

Определенную роль в развитии товарно-денежных отношений в стране сыграли единовременные общегражданские налоги для оказания помощи голодающим, а также другие денежные государственные и местные налоги. Они способствовали увеличению спроса на деньги у крестьянства, расширению сферы обращения товаров, стимулируя их продажу на рынке. «Мы переживаем тот период, — говорил на IV сессии ВЦИК 27 октября 1922 г. в прениях по докладу о финансовом положении РСФСР заместитель председателя ВСНХ В. П. Милютин, — когда развитие России идет по первому тому или даже по первым главам первого тома «Капитала». Сейчас мы имеем, бесспорно, не столько еще денежное хозяйство, сколько натуральное, явившееся наследием военного коммунизма, и на тормозах спускаемся в долину денежного хозяйства»²⁵. Основным тормозом В. П. Милютин с полным основанием называл натуральный налог, несмотря на то, что тяжесть обложения по сравнению с дореволюционным временем была намного меньшей²⁶.

²² «Продовольствие и революция», 1923, № 5—6, стр. 26; «Продовольственная газета», 23 мая 1922 г.; «Народное хозяйство СССР за 1923—1924 г.» IV. Статистико-экономический ежегодник. М. Б. г., стр. 101.

²³ «Правда», 5 августа 1922 года.

²⁴ «На новых путях». Вып. III, стр. 2.

²⁵ «Экономическая жизнь», 28 октября 1922 года

²⁶ По исчислениям Наркомзема, прямые и косвенные налоги на душу в царской России до 1914 г. по 50 губерниям составляли 9 руб. 83 коп. в год и слагались из уплаты: а) прямых налогов и страховых платежей — 1 руб. 50 коп.; б) промыслового обло-

И тем не менее налоговое обложение в натуральной форме перестало соответствовать общему экономическому развитию страны. Введение продналога привело к возрождению внутреннего рынка, развязало денежный оборот, который пришел в противоречие с системой натуральных платежей, отвлекавшей значительную часть сельскохозяйственной продукции от реализации на рынке и лишавшей деревню возможности преодолеть потребительский характер крестьянского хозяйства и установить более тесные товарно-денежные отношения с городом, с социалистической промышленностью.

В постановлении X Всероссийского съезда Советов (27 декабря 1922 г.)²⁷ «О мероприятиях по укреплению и развитию сельского хозяйства» указывалось на необходимость в связи с развитием товарности народного хозяйства принять меры к частичному переходу от натурального налога к денежному. Экономические выгоды от денатурализации обложения крестьянства были очевидны: расширился рынок за счет огромного количества сельскохозяйственных продуктов, которые раньше непосредственно изымались в государственный фонд. В связи с этим удваивалась покупательная способность крестьянства²⁸, сокращалась эмиссия на сумму налоговых платежей, вносимых в бюджет, задерживалось обесценение советских денежных знаков, возрастало их значение в хозяйственном обороте и значительно снижались издержки государства на сбор натуральных налогов, составившие в 1921/22 г. 192,1 млн. довоенных золотых рублей, или 40% всей денежной оценки натурального обложения²⁹.

Таким образом, денатурализация налогового обложения имела большое значение и для крестьянства и для народного хозяйства в целом. Об этом свидетельствовало также успешное проведение первого хлебного займа, выпущенного по постановлению III сессии ВЦИК в мае 1922 года³⁰.

Намеченный Коммунистической партией и Советским правительством курс на обложение крестьянства единым налогом выдержан до конца не был: наряду с единым натуральным налогом продолжал существовать трудовой гужевой налог, который постепенно из натуральной повинности, каким он был в годы гражданской войны, превращался в обычный денежный налог. Затем декретами ВЦИК и СНК от 11 февраля и 2 ноября 1922 г. для оказания единовременной помощи голодающим были введены первый и второй общегражданские налоги «для вос-

жения — 29 коп.; в) косвенных налогов и таможенных сборов — 1 руб. 84 коп.; г) налога от казенной продажи пива — 2 руб. 87 коп.; д) платежей за землю (арендная плата и взносы в банк) — 3 руб. 33 копейки. В 1922/23 г. прямое и косвенное обложение крестьянства государственными и местными налогами составляло от 3 руб. 83 коп. до 4 руб., то есть наполовину меньше («Материалы о деятельности СНХ, СТО и центральных правительственных учреждений за первое полугодие 1923 г.». М. 1923, стр. 53).

²⁷ «Съезды Советов всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях». М. 1935, стр. 246.

²⁸ «Вестник финансов», 1923, № 3, стр. 27.

²⁹ «На новых путях». Вып. II. М. 1923, стр. 147.

³⁰ «Продовольственная газета», 27 мая 1922 года. Облигации первого внутреннего краткосрочного государственного хлебного займа достоинством от 1 до 100 пуд., всего на 10 млн. пуд. хлеба на общую сумму 3 800 млрд. руб. (в денежных знаках 1922 г.), приобретаемые за денежные знаки, были обеспечены твердым количеством хлеба в зерне, которое держатели могли получить от государства по их предъявлению, независимо от дальнейшего обесценения рубля и колебания цен. Покупая летом 1922 г. облигацию в 1 пуд. хлеба за 380 руб., крестьянин мог удерживать в своих руках пуд ржи, если бы осенью, например, цена упала до 190 руб. Облигации хлебного займа принимались в уплату в счет продналога, и это приносило двойную выгоду: во-первых, часть продукции, причитавшейся к сдаче по натуралюгу, заменялась денежными знаками и оставалась в распоряжении крестьянина; во-вторых, расплачиваясь облигациями, он освобождался от затрат труда для доставки зерна на сыпные пункты.

пособления сельскому хозяйству и ликвидации последствий голода»³¹. В целях усиления средств местных бюджетов III сессия ВЦИК (май 1922 г.) постановила обложить сельское население подворно-денежным налогом³². Но этих средств вместе с выделяемыми из губернских бюджетов не хватало, в связи с чем местные власти вынуждены были прибегнуть к дополнительному натуральному и денежному обложению деревни, проявив при этом недопустимую изобретательность и налоговую партизанщину, не останавливаясь перед обложением окон, дверей, печей и дымовых труб, домашней птицы и т. п.³³

Государственные и местные налоги собирались параллельно органами Наркомпрода, Наркомтруда и Наркомфина. Все они имели дело с одним и тем же налогоплательщиком, что, естественно, вызывало большое раздражение и недовольство крестьян. Многократное обложение на разной основе несколькими ведомствами затрудняло нормальное ведение хозяйства, не позволяло производителю соразмерить свои доходы и затраты с многочисленными и неожиданными налогами.

Предложения Наркомпрода с обоснованием того, в каком направлении следует совершенствовать единый натуральный налог, рассматривались 6 февраля 1923 г. на заседании комиссии ЦК РКП(б) по единому сельскохозяйственному налогу. Комиссия постановила: устранить большое число налогов, падающих на крестьянское хозяйство, объединить продовольственный, подворно-поимущественный, трудгужевой и общегражданский налоги в единый прямой налог. Ставки единого налога должны были соответствовать мощности крестьянского хозяйства, определяемой по следующим признакам: размер пахотно-сенокосной земли; количество скота; состав рабочей силы; урожайность. В окладном листе надлежало указывать доли денежного и натурального взносов и распределение их на государственные и местные нужды. Списание губерний, с которых взимался налог в той или иной форме, а также размер натуральной и денежной частей единого налога и сроки определялись правительством по согласованию с Наркомпродом, Наркомфином и Госпланом. В губерниях, где преобладала денежная часть налога, вся налоговая работа передавалась исключительно в ведение Наркомфина, причем для взимания натуральной части разрешалось использовать не только аппарат Наркомпрода, но и кооперативные организации. В губерниях с преобладанием натуральной части налога составление списков, окладных листов и предъявление их плательщикам возлагались на органы Наркомпрода, которые и взимали натуральную часть, а агенты Наркомфина—денежную. Для достижения единства действий при губисполкомах и губэконосо создавались специальные налоговые комиссии из представителей продовольственных, финансовых и статистических органов³⁴.

Вопрос о размере единого сельскохозяйственного налога в целом для страны обсуждался на заседании комиссии ЦК РКП(б) 17 марта 1923 года. В связи с тем, что все материалы по этому вопросу были сосредоточены в подкомиссии под председательством начальника ЦСУ П. И. Попова, ей была дана директива: исходить из необходимости — собрать в предстоящем бюджетном году 500 млн. руб. золотом по единому сельхозналогу, натуральная часть которого определялась максимально в 280 млн. пудов и ни в коем случае не менее 250 млн. рублей.

³¹ См. «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», 1922, № 67, ст. 892; «Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов 1917—1959». М. 1961, стр. 98.

³² «Экономическая жизнь», 27 мая 1922 года.

³³ См. «Вестник финансов», 1923, № 22, стр. 6.

³⁴ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, ед. хр. 1245, л. 36.

Следует отметить, что с февраля 1923 г. на страницах периодической печати оживленно обсуждался вопрос о размерах налогового обложения крестьянства. В статье «Обложение деревни» видный советский экономист Ю. Ларин, например, доказывал целесообразность более значительного, чем имело место до тех пор, перемещения средств из сельского хозяйства в промышленность и на транспорт³⁵. Его предложение не встретило поддержки. Заместитель наркомфина СССР М. К. Владимиров в статье «Жить по средствам» справедливо указывал, что нельзя судить о тяжести налогового обложения только по данным государственных и местных бюджетов, так как сдача натуральных налогов связана для крестьянина с рядом дополнительных расходов. Интересы укрепления связи города с деревней требовали не усиления налогового обложения, а строгой экономии во всех областях бюджетных средств, мобилизации внутренних ресурсов, снижения себестоимости, развертывания товарооборота³⁶. Председатель комиссии по внутренней торговле при СТО А. М. Лежава в статье «О «переливании» средств из деревни» также выразил несогласие со взглядами Ю. Ларина, подчеркнув, что вплоть до рассматриваемого времени все еще не представилась возможность осуществить обещанное в постановлении ВЦИК от 21 марта 1921 г. уменьшение налогового обложения по мере восстановления промышленности и транспорта³⁷.

О необходимости снижения обложения крестьянства высказывался в комиссии ЦК РКП(б) по единому сельскохозяйственному налогу член коллегии Наркомзема П. А. Месяцев. По предложению Наркомзема, платежи крестьян, составившие в 1912 г. по 50 губерниям Европейской России 736 250 тыс. зол. рублей — 14% по отношению к условно-чистому доходу (валовой доход за вычетом семян и кормов), должны были быть в 1923/24 г. снижены до 392—400 млн. руб. — 11% к условно-чистому доходу³⁸. В письме членам Политбюро ЦК РКП(б) от 27 марта 1923 г. Н. П. Брюханов предлагал установить единый сельхозналог на 1923/24 г. в размере 600 млн. пуд. ржаных единиц при среднем урожае, что должно было в денежном выражении (при цене 1 пуда ржи в 70 коп.) составить 420 млн. руб.; по сравнению с 1922/23 г. эта цифра была выше на 70 млн. рублей. Такое увеличение было вполне реальным, так как исходило из предполагаемого расширения посевных площадей на 16%³⁹.

Таким образом, Наркомзем и Наркомпрод полагали, что более высокое напряжение платежеспособности сельского населения могло привести к сокращению крестьянского потребления, спроса деревни на промышленную продукцию и углублению уже наступившего в стране кризиса сбыта индустриальных товаров. Интересы всего народного хозяйства требовали самого внимательного и осторожного определения размеров налогового обложения, которое приобретало особую остроту в связи с происходившим падением цен на хлеб.

Для борьбы с резким обесценением хлеба на внутреннем рынке XII съезд РКП(б) (17—25 апреля 1923 г.) принял решение о значительном расширении экспорта хлеба с целью приобретения для сельского хозяйства заграничных рынков. Наряду с этим особое внимание уделялось дальнейшему снижению налогового обложения, усовершенствованию методов и форм его взимания. Съезд одобрил принятую ЦК РКП(б) сумму обложения на 1923/24 г. в размере 420 млн. руб., несмотря на то, что, по некоторым подсчетам, ее можно было довести до

³⁵ «Экономическая жизнь», 23 и 25 февраля 1923 года.

³⁶ «Правда», 15 марта 1923 года.

³⁷ «Экономическая жизнь», 4 апреля 1923 года.

³⁸ «Известия», 18 апреля 1923 года.

³⁹ ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, ед. хр. 1245, л. 32.

600 млн. руб., и отверг все предложения об усилении налоговых тягот, рассматривая их как противопоставление рабочего класса крестьянству. Если учесть, что за 1922/23 г. общая сумма собранных государственных и местных налогов составила около 390 млн. руб., а на 1923/24 г. намечалось расширение посевных площадей на 16—18%, при дальнейшем росте товарности, то налицо было значительное смягчение налогового бремени, укреплявшее экономический союз рабочего класса и крестьянства. Съезд дал директиву — установить на предстоящий год единый сельскохозяйственный налог, ликвидировать множественность обложения, учесть степень развития товарно-денежных отношений⁴⁰.

Декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. запрещалось обложение крестьянства дополнительными сборами. В большинстве губерний взамен натуральной была установлена денежная форма взимания налога. Полностью отказаться от натурального обложения нельзя было в силу того, что Наркомфин с величайшим напряжением собирал денежные налоги в казну, и ее доходы не достигли $\frac{1}{5}$ части налоговых поступлений, собранных Наркомпродом. Так, сумма налогов (в тыс. зол. руб.), собранных с 1 октября 1921 по август 1922 г., составила⁴¹:

	Сумма	% %
Всего налогов денежных	24 431	4,9
Доход от имущества и предприятий	72 062	14,3
Продналог	406 131	80,8
Всего:	502 624	100

Натуральная часть единого налога сохранялась в районах преимущественно земледельческих, с большим сбором сельскохозяйственной продукции, но со слабым развитием товарности крестьянского хозяйства. Шире практиковать замену натурального налога денежным не позволило продолжавшееся падение советского денежного знака. Декретом крестьянину предоставлялось право заменять натуру деньгами, и наоборот. Денежный сельскохозяйственный налог был системой прямого и окладного обложения. Это означало, что у кого хозяйство было экономически более сильным, кто имел больше земли и скота, тот и платил больше. Показателем мощности хозяйства признавались земля, рабочий и продуктивный скот, урожайность и количество едоков. Чтобы сделать обложение более справедливым, было установлено девять групп хозяйств по количеству земли, четыре группы по количеству скота и одиннадцать разрядов урожайности. Экономическое стимулирование интенсификации достигалось путем освобождения от налогов опытно-показательных хозяйств, а также посевов хлопка и высокосортных семян кормовых трав, корнеплодов. В течение трех лет не платили налога хозяйства, осуществившие в относительно крупных размерах мелиорацию. Льгота в форме скидки до 10% от общей суммы налога, который предусматривалось собрать на территории РСФСР, предоставлялась коллективам и индивидуальным хозяйствам отдельных областей и районов, вводящим улучшенные приемы хозяйствования (например, ранние пары), доступные широкой массе крестьянства. Шкала ставок единого сельскохозяйственного налога по сравнению со шкалой ставок натураль-

⁴⁰ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. М. 7-е изд., стр. 705—709; «Экономическая жизнь», 16 мая 1923 года.

⁴¹ «Торгово-промышленная газета», 3 июня 1923 года.

ного налога также подверглась существенным изменениям. В качестве признаков для определения мощности хозяйства в числе других в 1922 г. принимался весь продуктивный скот, а в 1923 г. — только крупный рабочий скот, притом лишь взрослый.

Единый сельскохозяйственный налог был новым крупным шагом в сторону дальнейшего облегчения экономического положения беднейшего крестьянства. Постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1923 г. значительно расширило льготы по сельхозналогу для этого слоя крестьянства. В первую очередь были освобождены от него единоличные и коллективные хозяйства, не имевшие скота, если облагаемой земли у них приходилось не более $\frac{3}{4}$ дес. на едока. Принимая такое решение, Советское правительство исходило из того, что наличие скота — прямой показатель мощности хозяйства, а потому хозяйства, которые при прочих равных условиях не имели скота, находились в более тяжелом состоянии, нежели располагавшие им; доход от продукции в таком хозяйстве в значительной мере поглощался затратами на оплату обработки земли «наемным» скотом. По решению губ (обл) исполкомов от уплаты налога освобождались и другие категории маломощных в смысле обеспеченности землей и скотом хозяйств; при этом льготы беднейшим крестьянам могли достигать 5% скидки с суммы единого сельскохозяйственного налога, исчисленной для всей губернии. Таким образом, единый сельскохозяйственный налог становился посильным и для беднейшего крестьянства.

Сбор вновь установленного налога проходил досрочно и успешно; при этом наблюдалось преобладание денежной части над натуральной⁴². Денежная доля налога оплачивалась крестьянами советскими знаками и облигациями второго хлебного займа, причем эта часть взималась по эквиваленту замены ржаной или пшеничной единицы деньгами, исходя из рыночной цены ко времени сдачи налога. Эквиваленты в денежном исчислении периодически менялись центром в зависимости от колебания цен на хлебном рынке. Регулируемые таким образом эквиваленты, в свою очередь, оказывали влияние на рыночную конъюнктуру.

Опыт первой кампании по сбору единого сельскохозяйственного налога обнаружил расхождения между рыночными ценами и эквивалентами в ту или иную сторону, так как невозможно было из центра заранее предвидеть, как сложится положение на хлебном рынке в той или иной области страны. Рыночная цена на пуд хлеба в червонном исчислении по РСФСР была больше, чем цены эквивалентов: 11 сентября — на 6 и 26 коп., 21 сентября — на 20 и 31 коп., 10 октября — на 26 и 25 коп. и т. д. Потери государства от этой разницы, по подсчетам Наркомпрода, составили на 1 ноября 1923 г. 10,9 млн. черв. рублей, не считая потерь на курсе, неизбежных при переброске бумажных денег из центра или из одной области в другую, на что приходилось затрачивать несколько дней, в течение которых происходило обесценение совзнаков⁴³. Выигрыш крестьянства от разницы между денежным эквивалентом и фактической розничной ценой был только кажущимся, так как форсированная продажа хлеба приводила к дальнейшему падению цен на него, что особенно отрицательно сказывалось на экономическом положении деревни при наличии в 1923 г. так называемых «ножниц». С другой стороны, возникала опасность, что столь быстрая денатурализация налоговых платежей лишит государство продовольственного фонда, необходимого для хозяйственного строительства. С этой целью заниженные эквиваленты, исчисленные в обесценивающихся советских денежных знаках, были заменены повышенными и установленными в твердой червонной валюте. Применение более устойчивых эквивалентов сколь-

⁴² «Экономическая жизнь», 30 октября 1923 года.

⁴³ «Экономическая жизнь», 9 декабря 1923 года.

либо серьезного воздействия на усиление притока налоговых платежей в натуральной форме не оказало, ибо за два года новой экономической политики крестьянское хозяйство втянулось в товарно-денежный оборот в гораздо большей степени, чем предполагалось при введении единого сельскохозяйственного налога в натуральной, денежной и смешанной формах. Новые, «червонные» эквиваленты, более высокие и к тому же устойчивые, сыграли известную роль в создании благоприятной для крестьянства конъюнктуры на хлебном рынке.

Разумеется, не одна система эквивалентной замены явилась причиной некоторого оздоровления хлебного рынка и денатурализации налогового обложения. Крестьяне в одних губерниях предпочитали для уплаты налога реализовать продукты животноводства, в других — удерживать зерно в хозяйстве, чтобы застраховать себя от возможных стихийных бедствий. Так, в некоторых районах Украины, где более всего следовало ожидать платежей натурой, крестьянство, несмотря на относительно высокие по сравнению с ценами на рынке эквиваленты, предпочитало расплачиваться деньгами: к 22 ноября 1923 г. из 123 тыс. единиц, исчисляемых в пудах пшеницы, поступило натурой 29 тыс., или 24%⁴⁴. Удерживая зерновые продукты, на которые цены упали (натуру), и выплачивая налог за счет денежных доходов из побочных источников, крестьяне страховали себя, таким образом, от потерь на разнице в курсе обесценивающегося советского знака.

К денатурализации налоговых платежей вели крестьянское хозяйство и другие обстоятельства. Однако в истории развития налоговых форм от натуральных к денежным рассмотрение системы эквивалентов представляет интерес потому, что ее существование в бумажно-денежном, а затем в червонном исчислении отражало объективно сложившиеся рыночные отношения между городом и деревней. Ярким показателем высоких темпов развития товарно-денежных отношений, их глубокого проникновения в экономику деревни явились итоги поступления единого сельскохозяйственного налога в 1923/24 году. Они превзошли первоначальные наметки: предполагалось собрать по стране 56% налоговых единиц натурой и 44% — деньгами; фактически поступило соответственно 22,4 и 77,6%; хлеботорговыми организациями было заготовлено 300 млн. пуд. хлеба, а по налогу поступило 116 млн. пуд.⁴⁵ В связи с этим Советское государство могло предпринять следующий шаг по пути укрепления экономического союза с крестьянством, превратить единый сельскохозяйственный налог из смешанного в чисто денежный. Это необходимо было сделать, во-первых, потому, что использование натуральной части единого сельхозналога представляло значительные трудности, вызывало дополнительные расходы, связанные с хранением, транспортировкой и реализацией зерна. Во-вторых, поступления налога в обесценивающейся валюте влекли за собой неизбежные потери для государства. Крестьянство, в свою очередь, по подсчетам Наркомфина, теряло ежегодно на падении ценности советских знаков более 100 млн. зол. руб., и от этого тяжелого эмиссионного налога его следовало освободить⁴⁶. В-третьих, при системе денежного налога открывались широ-

⁴⁴ «Вестник финансов», 1923, № 51—52, стр. 5.

⁴⁵ «Народное хозяйство СССР за 1923/24 г.», стр. 101, 136.

⁴⁶ «Правда», 6 августа 1924 года. В ноябре 1922 г. Государственным банком был выпущен червонец (10 руб.), обеспеченный золотом. Он обслуживал расчеты между крупными оптовыми торговыми организациями и промышленностью. Это была твердая, устойчивая валюта, которая положила начало денежной реформе, завершенной в феврале — марте 1924 года. Но так как государство нуждалось в источниках для покрытия расходов, оно продолжало прибегать к эмиссии, то есть выпуску так называемых «совзнаков», число которых увеличивалось в астрономических размерах, вследствие чего их обесценение происходило с чрезвычайной быстротой. Крестьяне, продававшие небольшие количества сельскохозяйственных продуктов, как правило, не могли поль-

кие перспективы для подъема товарности сельского хозяйства, что являлось одной из важнейших предпосылок для стабилизации советской валюты и увеличения емкости внутреннего рынка. Известно, что переход к единому сельскохозяйственному налогу стал возможным только после завершения денежной реформы в 1924 году.

Осуществление новой экономической политики, переход к продналогу и дальнейшее развитие этого процесса дают нам блестящий образец учета Коммунистической партией интересов крестьянства, обусловленных природой мелкотоварного производства. При переходе к нэпу и в первые его годы, заботясь о совершенствовании налоговых взаимоотношений Советского государства с трудовым крестьянством, В. И. Ленин и вся партия многократно возвращались к мысли о необходимости создания уверенности у крестьян в устойчивости государственных изъятий, предоставления им свободы и хозяйственной инициативы в распоряжении ресурсами, стимулирования личной материальной заинтересованности⁴⁷. Большое значение при этом придавалось учету местных условий, почвенно-климатических и экономических особенностей тех или иных районов страны.

Изучение налоговых преобразований в период нэпа свидетельствует о неуклонном стремлении социалистического государства сообразовать их с хозяйственными и классовыми сдвигами в деревне и политическими настроениями крестьянства. Разрабатывая вопросы налоговой политики в деревне после окончания гражданской войны, В. И. Ленин и Коммунистическая партия постоянно заботились об укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Эти принципиальные теоретические положения экономической политики, на основе которых формировались финансово-налоговые взаимоотношения Советского государства с крестьянством, нашли свое дальнейшее развитие в творческой деятельности Коммунистической партии.

зоваться червонной валютой. Чтобы получить 1 червонец (10 руб.), крестьянин должен был продать сразу, что для него не всегда было возможным, 2—3 десятка пудов ржи (цена в червонном исчислении — 30—50 коп.). Потери от падения ценности совзнаков представляли как бы дополнительное обложение крестьян и рассматривались как эмиссионный налог.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 363; т. 43, стр. 71, 373; «Ленинский сборник» XX, стр. 75 и др.